

РИТОРИКА – НАУКА О ПОСТРОЕНИИ ТЕКСТА

I. Марк Тулий Цицерон в одной из своих речей говорил: «Часто подолгу размышлял я наедине с собой о том, добра ли более или зла принесло людям и государствам красноречие и глубокое изучение искусства слова. И в самом деле: когда задумаюсь о бедах, что терпит наша республика, и вспомню о несчастьях, что постигли самые цветущие города, везде вижу, что большею частью в бедах этих виновны люди речистые. Но когда, поверяя историей, восстанавливаю перед мысленным взором времена давно минувшие, вижу, как мудрость, а еще более – красноречие, основывают города, гасят войны, заключают длительные союзы и завязывают священную дружбу между народами. Так что по зрелом размышлении сам здравый смысл приводит меня к заключению, что мудрость без красноречия мало приносит пользы государству, но красноречие без мудрости зачастую бывает лишь пагубно и никогда не приносит пользы. Поэтому, если человек, забыв о мудрости и долге, отбросив и чувство чести и доблесть, станет заботиться лишь об изучении красноречия, такой гражданин не добьется ничего для себя, а для родины окажется вредоносным. Если же вооружится он красноречием для того, чтобы защищать интересы государства, а не чтобы на них нападать, тогда станет полезен и себе и своим близким, и разумным начинаниям в своем отечестве, и заслужит любовь сограждан»¹.

Прокомментируйте слова великого римского оратора о пользе и вреде красноречия.

II. *Охарактеризуйте ораторское мастерство А.П. Чехова. Укажите, на ваш взгляд, приемы красноречия и приемы ораторского мастерства.*

А.П. ЧЕХОВ О ВНИМАНИИ К УСТНОЙ РЕЧИ ОБ ИСКУССТВЕ СЛОВА²

В Московском университете с конца прошлого года преподается студентам декламация, т.е. искусство говорить красиво и выразительно. Нельзя не порадоваться этому прекрасному нововведению. Мы, русские люди, любим поговорить и послушать, но ораторское искусство у нас в совершенном загоне. В земских и дворянских собраниях, ученых заседаниях, на парадных обедах и ужинах мы застенчиво молчим или же говорим вяло, беззвучно, тускло «уткнув брады», не зная куда девать руки; нам говорят слово, а мы в ответ – десять, потому что не умеем говорить коротко и не знакомы с той грацией речи, когда при наименьше затрате сил достигается известный эффект... У нас много присяжных поверенных, прокуроров, профессоров, проповедников, в которых по существу их профессии должно предполагать ораторскую жилку, у нас много учреждений, которые

---

¹ Цицерон Марк Тулий. О нахождении материала // Цицерон. Эстетика: трактаты, речи, письма. – М.: Искусство, 1994. – С. 52.

² Чехов А.П. Хорошая новость // Чехов. Соч. т. 8. – М., 1983. – С. 499-501.

называются «говорильными», потому что в них по обязанности службы много и долго говорят, но у нас совсем нет людей, умеющих выражать свои мысли ясно, коротко и просто. В обеих столицах насчитывается всего-навсего настоящих ораторов пять-шесть, а о провинциальных златоустах что-то не слыхать. На кафедрах у нас сидят заики и шептуны, которых можно слушать и понимать, только приспособившись к ним, на литературных вечерах дозволяется читать даже очень плохо, так как публика давно уже привыкла к этому и, когда читает стихи какой-нибудь поэт, то она не слушает, а только смотрит. Ходит анекдот про некоего капитана, который будто бы, когда его товарища опускали в могилу, собирался прочесть длинную речь, но выговорил «будь здоров!», крикнул – и больше ничего не сказал. Нечто подобное рассказывают про почтенного В.В. Стасова, который несколько лет назад в Клубе художников, желая прочесть лекцию, минут пять изображал из себя молчаливую, смущенную статую, постоял на эстакаде, помялся, да с тем и ушел, не сказав ни слова сова. А сколько анекдотов можно было бы рассказать про адвокатов, вызывавших своим косноязычием смех даже у подсудимого, про жрецов науки, которые изводили своих слушателей и в конце концов возбуждали к науке полнейшее отвращение. Мы люди бесстрастные, скучные; в наших жилах давно уже запеклась кровь от скуки. Мы не гоняемся за наслаждениями и не ищем их, и нас поэтому несколько не тревожит, что мы, равнодушные к ораторскому искусству, лишаем себя одного из лучших и благороднейших наслаждений, доступных человеку. Но если не хочется наслаждаться, то по крайней мере не мешало бы вспомнить, что до все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом. В обществе, где презирается истинное красноречие, царит риторика, ханжество слова, или пошлое краснобайство. И в древности, и в новейшее время ораторство было одним из сильнейших рычагов культуры. Немыслимо, чтобы проповедник новой религии не был в то же время увлекательным оратором. Все лучшие государственные люди в эпоху процветания государств, лучшие философы, поэты, реформаторы было в то же время и лучшими ораторами. «Цветами» красноречия был усыпан путь ко всякой карьере, и искусство говорить считалось обязательным. Быть может, и мы когда-нибудь дождемся, что наши юристы, профессора и вообще должностные лица, обязанные по службе говорить не только учено, но и вразумительно и красиво, не станут оправдываться тем, что они «не умеют» говорить. В сущности ведь для интеллигентного человека дурно говорить должно бы считаться таким же неприличием, как не уметь читать и писать, и в деле образования и воспитания, – обучение красноречию следовало бы считать неизбежным. В этом отношении почин Московского университета является серьезным шагом вперед.

III. Старый английский афоризм гласит: есть люди, которых нельзя слушать, есть люди, которых можно слушать, и есть люди, которых нельзя не слушать. *Каким образом данный афоризм отражает особенности речевой деятельности оратора?*

АНТИЧНАЯ РИТОРИКА И ЕЕ ТЕОРИИ

I. Прочитайте фрагменты из диалога Платона «Федр»¹. Какие две необходимые «способности» говорящего выделяет Сократ в беседе с Федром о достоинствах речи? Какое важнейшее требование к хорошей речи выдвигает Сократ? Выполните задания, данные после текста.

Сократ. Чтобы речь вышла хорошей, прекрасной, разве разум оратора не должен постичь истину того, о чем он собирается говорить?

Федр. Об этом, милый Сократ, я так слышал: тому, кто намеревается стать оратором, нет необходимости понимать, что действительно справедливо, – достаточно знать то, что кажется справедливым большинству, которое будет судить. То же самое касается и того, что в самом деле хорошо и прекрасно, – достаточно знать, что таковым представляется. Именно так можно убедить, а не с помощью истины.

Сократ. Так вот, когда оратор, не знающий, что такое добро, а что – зло, выступит перед такими же несведущими гражданами с целью их убедить, причем будет расхваливать не тень осла, выдавая его за коня, но зло, выдавая его за добро, и, учтя мнения толпы, убедит ее сделать что-нибудь плохое вместо хорошего, какие, по-твоему, плоды принесет впоследствии посев его красноречия?

Федр. Не очень-то подходящие.

Сократ. Впрочем, друг мой, не слишком ли резко мы нападаем на ораторское искусство? Оно, пожалуй, возразило бы нам: "Что за вздор вы несете, странные вы люди! Никого, кто не знает истины, я не принуждаю учиться говорить, напротив – если мой совет что-нибудь значит, – пусть лишь обладающий истиной приступает затем ко мне. Я притязая вот на что: даже знающий истину не найдет помимо меня средства искусно убеждать",

Федр. Разве не было бы оно право, говоря так?

Сократ. Согласен, если подходящие к случаю доказательства подтвердят, что оно – искусство. Мне сдается, будто я слышу, как некоторые

---

¹ Диалог «Федр» относится к зрелому периоду творчества Платона. Это одно из наиболее высокохудожественных произведений философа. Диалог «Федр» справедливо считается первым написанным в диалогической форме учебником риторики, в котором сформулированы основы античной риторической теории. В диалоге «Федр» отражен диалектический метод познания, говорится о принципах организации речей, направленных на поиски истины. В тексте содержится «в свернутом виде практически весь комплекс основных идей "Риторики" Аристотеля» [Михальская, с. 42].

В диалоге два собеседника – Сократ и Федр. Они говорят о любви. И, хотя, по словам А.Ф.Лосева, здесь нет поисков сущности любви, но зато раскрывается ее неистовая, безумная сторона, ее роль в становлении души на путях блага и в создании подлинной философии, а не пустого красноречия [Лосев, с.]. Сократ искусным ведением диалога демонстрирует своему ученику то, как можно подвести человека к знанию истины в процессе беседы.

Сократ и Федр анализируют три типа речей: 1) риторически несовершенную речь софиста Лисия, текст которой приносит Федр; 2) речь Сократа – с ложным тезисом, но соответствующую правилам построения речей; 3) вторую речь Сократа – гармоничную, со строгой системой логических доказательств, открывающую истину о предмете и отражающую речевой идеал Сократа.

из них подходят сюда и свидетельствуют, что красноречие не искусство, а далекий от него навык. Подлинного искусства речи, сказал наконец, нельзя достичь без познания истины, да и никогда это не станет возможным.

Федр. Эти доказательства необходимы, Сократ. Приведи их сюда и допроси: что и как они утверждают?..

Сократ. Искусство красноречия не есть ли вообще умение увлекать души словами, не только в судах и других общественных собраниях, но и в частном быту? Идет ли речь о мелочах или о крупных делах, – оно все то же, и, к чему бы его ни применять правильно – к важным ли делам или к незначительным, – оно от этого не становится ни более, ни менее ценным. Или ты об этом слышал не так?

Федр. Клянусь Зевсом, не совсем так. Говорят и пишут искусно прежде всего для тяжб, говорят искусно и в народном собрании. А о большем я не слышал.

Сократ. Значит, ты слышал только о наставлениях в красноречии, *которые* написали в Илионе Нестор и Одиссей, чтобы занять свой досуг, а о наставлениях Паламеда ты не слышал?

Федр. Да я, клянусь Зевсом, и о наставлениях Нестора не слышал, если только ты не сделаешь из Горгия какого-то Нестора, а Одиссея – из какого-нибудь Фрасимаха и Феодора.

Сократ. Может быть. Но оставим их. Скажи мне, что делают на суде тяжущиеся стороны? Не спорят ли они, или назвать это как-то иначе?

Федр. Нет, именно так.

Сократ. Спорят о том, что справедливо и что несправедливо?

Федр. Да.

Сократ. И тот, кто делает это искусно, сумеет представить одно и то же дело одним и тем же слушателям то справедливым, то, если захочет, несправедливым?

Федр. И что же!

Сократ. Да и в народном собрании одно и то же покажется гражданам иногда хорошим, а иногда наоборот.

Федр. Это так.

Сократ. Разве мы не знаем, как искусно говорит элейский Паламед: его слушателям одно и то же представляется подобным и неподобным, единым и множественным, покоящимся и несущимся.

Федр. Да, конечно.

Сократ. Следовательно, искусство спора применяется не только на суде и в народном собрании, но, по-видимому, это какое-то единое искусство, – если уж оно искусство, – одинаково применимое ко всему, о чем бы ни шла речь; при его помощи любой сумеет уподобить все, что только можно, всему, что только можно, и вывести на чистую воду другого с его туманными уподоблениями...

Кто не знает истины, а гоняется за мнениями, у того искусство речи будет, видимо, смешным и неискусным.

Федр. Пожалуй, так.

Сократ. Хочешь посмотреть, что в речи Лисия, которую ты сюда принес, и в тех речах, которые мы с тобой здесь произнесли, было, по нашему слову, неискусным и что искусным?

Федр. С превеликой охотой; а то мы сейчас говорим как-то голословно, без достаточных примеров...

Сократ. В чем же нас легче обмануть и где красноречие имеет большую силу?

Федр. Видно, там, где мы блуждаем без дороги.

Сократ. Значит, тот, кто намерен заняться ораторским искусством, должен прежде всего произвести правильное разделение и уловить, в чем признак каждой его разновидности – и той, где большинство неизбежно блуждает, и той, где этого нет.

Федр. Прекрасную его разновидность, Сократ, постиг бы тот, кто уловил бы это!

Сократ. Затем, думаю я, в каждом отдельном случае он не должен упускать из виду, но, напротив, как можно острее чувствовать, к какому роду относится то, о чем он собирается говорить.

Федр. Конечно.

Сократ. Так что же? Отнесем ли мы любовь к тем предметам, относительно которых есть разногласия, или нет?

Федр. Да еще какие разногласия! Иначе как бы, по-твоему, тебе удалось высказать о ней все то, что ты только что наговорил: она – пагуба и для влюбленного и для того, кого он любит, а с другой стороны, она – величайшее благо.

Сократ. Ты совершенно прав. Но скажи еще вот что: я из-за своего восторженного состояния не совсем помню, дал ли я определение любви в начале моей речи?

Федр. Клянусь Зевсом, да, и притом поразительно удачное...

Сократ. Но по крайней мере вот что ты мог бы сказать: всякая речь должна быть составлена, словно живое существо, – у нее должно быть тело с головой и ногами, причем туловище и конечности должны подходить друг другу и соответствовать целому...

Сократ. Мы утверждали, что любовь есть некое неистовство. Не так ли?

Федр. Да.

Сократ. А неистовство бывает двух видов: одно – следствие человеческих заболеваний, другое же – божественного отклонения от того, что обычно принято.

Федр. Конечно, так.

Сократ. Божественное неистовство, исходящее от четырех богов, мы разделили на четыре части: вдохновенное прорицание мы возвели к Аполлону, посвящение в таинства – к Дионису, творческое неистовство – к Музам, четвертую же часть к Афродите и Эроту – и утверждали, что любовное неистовство всех лучше. Не знаю, как мы изобразили любовное состояние: быть может, мы коснулись чего-то истинного, а возможно, и

уклонились в сторону, но, добавив не столь уж неубедительное рассуждение, мы с должным благоговением прославили в сказочном гимне моего и твоего, Федр, владыку Эрота, покровителя прекрасных юношей.

Перейдем к другим речам. В них было, мне кажется, нечто такое, к чему следует присмотреться тем, кто хочет исследовать красноречие... Одно постараемся из этого понять – как могло наше рассуждение от порицания перейти к похвале.

Федр. Как же это, по-твоему?

Сократ. Мне кажется, все было там в сущности только шуткой, кроме одного: все, что мы там случайно наговорили, – двух видов, и суметь искусно применить их возможности было бы для всякого благодарной задачей.

Федр. Какие это виды?

Сократ. Первый – это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому-то наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе.

Федр. А что ты называешь другим видом, Сократ?

Сократ. Вторым вид – это, наоборот, способность разделять всё на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них, как это бывает у дурных поваров: так, в обеих наших недавних речах мы отнесли неразумную часть души к какому-то одному общему виду. Подобно тому как в едином от природы человеческом теле имеется две одноименные части, лишь с обозначением "левая" или "правая", так обстоит дело и с состоянием безумия, которое обе наши речи признали составляющим в нас от природы единый вид, но одна речь выделила из него часть, обращенную налево, и не остановилась на этом делении, пока не нашла там некую так называемую левую любовь, которую вполне справедливо и осудила; другая же наша речь ведет нас к правой части неистовства, одноименной с первой, и находит там некую божественную любовь, которой отдает предпочтение, и восхваляет ее как причину величайших для нас благ.

Федр. Ты говоришь в высшей степени верно.

Сократ. Я, Федр, и сам поклонник такого различения и обобщения – это помогает мне рассуждать и мыслить. И если я замечаю в другом природную способность охватывать взглядом единое и множественное, я гоняюсь Следом за ним по пятам, как за богом. Правильно ли или нет я обращаюсь к тем, кто это может делать, знает бог, а называю я их и посейчас диалектиками...

Сократ... По-моему, на первом месте, в начале речи, должно быть вступление. Ведь это ты считаешь, не правда ли, тонкостями искусства?

Федр. Да.

Сократ. На втором месте – изложение и свидетельства, на третьем месте – доказательства, на четвертом – правдоподобные выводы... Что же

касается заключительной части речей, то у всех, видимо, одно мнение, только одни называют ее сжатым повторением, а другие иначе.

Сократ. ...Рассмотрим при ярком свете дня: как и когда красноречие воздействует своим искусством..? Значит, ясно, что Фрасимах или кто другой, если он всерьез преподает ораторское искусство, прежде всего со всей тщательностью будет писать о душе и наглядно покажет, одина и единообразна ли она по своей природе или же у нее много видов, соответственно сложению тела. Это мы и называем показать природу [какой-либо вещи].

Федр. Совершенно верно.

Сократ. Во-вторых, он укажет, на что и как душа по своей природе воздействует и что и как воздействует на нее.

Федр. И дальше?

Сократ. В-третьих, стройно расположив виды речей и души и их состояния, он разберет все причины, установит соответствие каждого [вида речи] каждому [виду души] и научит, какую душу какими речами и по какой причине непременно удастся убедить, а какую – нет.

Федр. Это было бы, верно, очень хорошо.

Сократ. Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, или такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то и столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине легко убедить в том-то и том-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению. Кто достаточно все это продумал, тот затем наблюдает, как это осуществляется и применяется на деле, причем он должен уметь остро воспринимать и прослеживать, иначе он не прибавит ничего к тому, что он еще раньше слышал, изучая красноречие. Когда же он будет способен определять, какими речами какой человек даст себя убедить, тогда при встрече с таким человеком он сможет распознать его и дать себе отчет, что тот как раз тот человек и та природа, о которой прежде шла речь. Теперь она на самом деле предстала перед ним, и к ней надо вот так применить такие-то речи, чтобы убедить ее в том-то. Сообразив все это, он должен учесть время, когда ему удобнее говорить, а когда и воздержаться: все изученные им виды речей – сжатую речь, или жалостливую, или возбуждающую – ему следует применять вовремя и кстати: только тогда, и никак не ранее, его искусство будет разработано прекрасно и совершенно...

Кто не учтет природные качества своих будущих слушателей, кто не сумеет

различать существующее по видам и охватывать одной идеей все единичное, тот никогда не овладеет искусством красноречия настолько, насколько это возможно для человека.

... Прежде всего надо познать истину относительно любой вещи, о которой говоришь или пишешь; суметь определить все соответственно с этой

истиной, а дав определение, знать, как дальше подразделить это на виды, вплоть до того, что не поддается с делению. Природу души надо рассматривать точно так же, отыскивая вид речи, соответствующий каждому природному складу, и таким образом строить и упорядочивать свою речь; к сложной душе надо обращаться со сложными, разнообразными речами, а к простой душе – с простыми. Без этого невозможно искусно, насколько это позволяет природа, овладеть всем родом речей – ни теми, что предназначены учить, ни теми – что убеждать, как показало все наше предшествующее рассуждение.

Вопросы и задания к тексту

1. Вспомните, из каких частей состояла классическая риторика. Охарактеризуйте задачи каждого раздела. Найдите в тексте описание модели построения речи. Почему построение речи нужно начинать с предварительного определения предмета речи? Определите, в каком фрагменте текста сформулировано требование ясности и непротиворечивости речи.

2. Какие требования выдвигаются Сократом к композиции речи? Укажите, где в диалоге выражено классическое античное понимание гармонии речи как упорядоченной симметричной соразмерности частей и целого. Сформулируйте эстетический идеал речевого произведения Сократа.

3. В чем заключается принцип уместности и целесообразности речи, сформулированный Сократом?

4. Почему Сократ советует ораторам изучать разнообразие человеческих душ? Почему при построении речи необходимо учитывать когнитивную структуру адресата?

5. Вспомните, что означает термин *майевтика*. Опишите сократовский метод ведения беседы с обучающими целями. В чем суть эвристического диалога Сократа? Найдите во фрагментах диалога вопросы, эксплицирующие данный метод построения диалогического дискурса.

6. Чем, по-вашему, различаются истина и правдоподобие?

7. Учитывая основные принципы построения речи, сформулированные Сократом, подготовьте свою речь о любви. Попробуйте доказать тезис, что *любовь является достаточным/недостаточным условием для вступления в брак* двумя способами. В первом случае используйте майевтику Сократа, а во втором – монологическую форму.

Сделайте вывод о достоинствах и недостатках двух методов убеждения.

II. Прочитайте отрывок из диалога Платона «Евтидем»¹. Выполните задания, данные после текста.

---

¹ Хрестоматия по античной литературе / Сост. Н.Ф.Дератани, Н.А.Тимофеева.– М., 1947.

Прочитайте отрывок из диалога Платона «Евтидем», который посвящен критике методов софистов. В этом диалоге Сократ пересказывает своему земляку, другу и сверстнику Критону беседу с двумя софистами – братьями Евтидемом и Дионисодором. Ученики знаменитого софиста Протагора, они были заядлыми спорщиками, увертливыми в хитросплетениях мысли и беззастенчивыми хвастунами. Софисты в полной мере проявляют себя, давая наставления юному Клинию. Вот как об этом рассказывает Сократ:

Сократ:

– убедите вот этого юношу в том, что следует заниматься философией и заботиться о добродетели; этим вы очень угодите и мне, и всем здесь собравшимся. Ведь отрок этот попал именно в такие обстоятельства: я и все окружающие страстно желаем, чтобы он стал как можно более достойным человеком...

Как же мне получше описать тебе, мой Критон, все, что там было потом? Ведь нелегкое это дело – обстоятельно воспроизвести столь своенравную мудрость... Начал же Евтидем, как мне помнится, следующим образом:

– Скажи мне, Клиний, те из людей, кто идет в обучение, – они мудрецы или невежды?

Мальчик же, услышав столь трудный вопрос, покраснел и бросил на меня недоумевающий взгляд. А я, видя его смущение, говорю:

– Мужайся, Клиний, отвечай смело то, что ты думаешь. Быть может, это принесет тебе величайшую пользу.

В это мгновение Дионисодор, наклонившись чуть-чуть к моему уху и улыбаясь во весь рот, молвил:

– Предсказываю тебе, Сократ, что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут.

А пока он это говорил, Клиний уже отвечал, так что мне не удалось предупредить мальчика, чтобы он был осторожен, и он сказал, что учатся люди мудре. Евтидем:

– Называешь ли ты кого-либо учителями или же нет?

Мальчик ответил утвердительно.

– Значит, учителя – это учителя учеников, как, например, кифарист и грамматик были учителями твоими и других мальчиков, вы же были учениками?

Клиний согласился.

– А разве не обстояло дело таким образом, что, когда вы учились, вы не знали того, чему обучались?

– Именно так, – сказал Клиний.

– Но были ли вы мудрыми, коль скоро не знали этого?

– Конечно, нет, – ответил тот.

– Значит, вы были не мудрыми, но невеждами?

– Разумеется.

– Следовательно, учась тому, чего вы не знали, вы учились, будучи невеждами?

Мальчик кивнул в знак согласия.

– Вот и получается, что учатся невежды, а не мудрецы, как ты это думаешь.

Когда он это сказал, все спутники Дионисодора и Евтидема, подобно хору, послушному команде своего наставника, зашумели и засмеялись, и раньше, чем мальчик как следует успел перевести дух, Дионисодор вмешался и сказал:

– Послушай, Клиний, когда учитель грамматики читает вам что-нибудь, кто из мальчиков запоминает прочитанное – тот, кто мудр, или же тот, кто невежествен?

– Тот, кто мудр, – отвечал Клиний.

– Следовательно, учатся мудрые, а вовсе не невежды и ты только что неверно ответил Евтидему. Тут уже вовсю засмеялись и зашумели поклонники этих мужей, восхищенные их премудростью, мы же, остальные, молчали, пораженные. Евтидем, поняв, что мы поражены, дабы мы еще более выказали ему свое восхищение, не отпускает мальчика, но снова принимается его спрашивать и, подобно искусным плясунам, обращает к нему один и тот же вопрос то одной его, то другой стороной.

Вопросы и задания к тексту

1. Сформулируйте, в чем заключается метод софистической беседы.
2. Приведите свою концептуализацию, раскрыв смысл концептов «мудрость» и «невежество». Совпала ли ваша концептуализация с осмыслением данных понятий софистами? Как бы вы уличили Евтидема в подтасовках?
3. К каким результатам в конце диалога приходят софисты? Почему Сократ сравнивает софистов с плясунами, которые только «пляшут вокруг мальчика и глумятся», а софистические методы – «с применением подножки во время борьбы и со злой шуткой, когда у сидящего выхватывают скамейку и он падает навзничь»?
4. Вспомните, как формулировал цель беседы Сократ?
5. Разыграйте диалог между Евтидемом и Клинием в лицах.

**III. Прочитайте отрывок из текста Платона «Апология Сократа»¹.
Выполните задания, данные после текста.**

---

¹ Апология – оправдательная речь Сократа, произнесенная им на афинском суде в 399 г.*, после того как были заслушаны речи обвинителей. «Апология Сократа» – единственное произведение Платона, написанное не в диалогической форме. Личность Сократа оказала глубокое влияние на все философское творчество Платона.

Как отмечает А.Ф. Лосев, Сократ вместе с софистами открыл новую эпоху истории античной философии, обратившись от космологии и натурфилософии к проблеме человека, и в частности к проблеме разума. В свое время это, несомненно, было чем-то вроде философской революции. А всякая революция требует героев и по необходимости должна идти па великие

Сократ [после обвинительного приговора]

...Я прошу у вас не более, чем справедливости, как мне кажется, – позволить мне говорить по моему обычаю, хорош он или нехорош – все равно, и смотреть только на то, буду ли я говорить правду или нет; в этом ведь и заключается долг судьи, долг же оратора – говорить правду...

...Наказанием для меня этот муж полагает смерть. Хорошо. Какое же наказание, о мужи афиняне, должен я положить себе сам? Не ясно ли, что заслуженное? Так какое же? Чему по справедливости подвергнуться или сколько должен я уплатить за то, что ни с того ни с сего всю свою жизнь не давал себе покоя, за то, что не старался ни о чем таком, о чем старается большинство: ни о наживе денег, ни о домашнем устройении, ни о том, чтобы попасть в стратеги, ни о том, чтобы руководить народом; вообще не участвовал ни в управлении, ни с в заговорах, ни в восстаниях, какие бывают в нашем городе, считая с себя, право же, слишком горядочным человеком, чтобы оставаться целым, участвуя во всем этом; за то, что я не шел туда, где я не мог принести никакой пользы ни вам, ни себе, а шел туда, где мог частным образом всякому оказать величайшее, повторяю, благодеяние, стараясь убеждать каждого из вас не заботиться ни о чем своим раньше, чем о себе самом, – как бы ему быть что ни на есть лучше и умнее, не заботиться также и о том, что принадлежит городу раньше, чем о самом городе, и обо всем прочем таким же образом. Итак, чего же я заслуживаю, будучи таковым? Чего-нибудь хорошего, о мужи афиняне, если уже в самом деле воздавать по заслугам, и вместе такого хорошего, что бы для меня подходило. Что же подходит для человека заслуженного и в то же время бедного, который нуждается в досуге вашего же ради назидания? Для подобного человека, о мужи афиняне, нет ничего более подходящего, как получать даровой обед в Пританее, по крайней мере для него это подходит гораздо больше, нежели для того из вас, кто одержал победу в Олимпии верхом, или на паре, или на тройке, потому что такой человек старается о том, чтобы вы казались счастливыми, а я стараюсь о том, чтобы вы были

жертвы. Таким героем и такой жертвой как раз и оказался Сократ. Его постоянное стремление анализировать традиционные человеческие понятия, добиваться их ясности, стараться сохранить все лучшее и сокрушить все худшее в них естественно вызывало у многих его современников недоумение или боязнь, а некоторые даже испытывали ужас и испуг перед такого рода еще небывалым в Греции критицизмом. Сократа стали обвинять в безбожии, в развращении молодежи, в подрыве существующего государственного строя и даже во введении каких-то новых божеств.

Та сила духа, с которой Сократ проводил свои идеи и выявлял ложь, прикрываемую благоприличным поведением людей и их якобы благонамеренными суждениями, всегда вызывала у Платона неизменный восторг, так что Сократ навсегда остался для него живым символом самой философии.

По мнению многих исследователей, сочинение Платона, скорее всего, художественное, имеющее, однако, большую историческую ценность. Попытка своеобразной реабилитации перед современниками и потомками незаслуженно обвиненного и казненного Сократа принадлежит не только Платону. Известны и другие апологии Сократа, большей частью совсем до нас не дошедшие.

Платон вкладывает в уста Сократа большую речь, которая в свою очередь состоит из трех отдельных речей. В пособии приводятся фрагменты третьей, заключительной речи Сократа.

счастливыми, и он не нуждается в даровом пропитании, а я нуждаюсь. Итак, если я должен назначить себе что-нибудь мною заслуженное, то вот я что себе назначаю – даровой обед в Пританее.

Может быть, вам кажется, что я и это говорю по высокомерию, как говорил о просьбах со слезами и с коленопреклонениями; но это не так, афиня

не, а скорее дело вот в чем: сам-то я убежден в том, что ни одного человека не обижаю сознательно, но убедить в этом вас я не могу, потому что мало времени беседовали мы друг с другом; в самом деле, мне думается, что вы бы убедились, если бы у вас, как у других людей, существовал закон решать дело о смертной казни в течение не одного дня, а нескольких; а теперь не так-то это легко – в малое время снимать с себя великие клеветы. Ну так вот, убежденный в том, что я не обижаю ни одного человека, ни в каком случае не стану я обижать самого себя, говорить о себе самом, что я достоин чего-нибудь нехорошего, и назначать себе наказание. С какой стати? Из страха подвергнуться тому, чего требует для меня Мелет и о чем, повторяю еще раз, я не знаю, хорошо это или дурно? Так вот с вместо этого я выберу и назначу себе наказанием что-нибудь такое, о чем я знаю наверное, что это – зло? Вечное заточение? Но ради чего стал бы я жить в тюрьме рабом Одиннадцати, постоянно меняющейся власти? Денежную пеню и быть в заключении, пока не уплачу? Но для меня это то же, что вечное заточение, потому что мне не из чего уплатить. В таком случае не должен ли я назначить для себя изгнание? К этому вы меня, пожалуй, охотно присудите. Сильно бы, однако, должен был я трусить, если бы растерялся настолько, что не мог бы сообразить вот чего: вы, собственные мои сограждане, не были в состоянии вынести мое присутствие и слова мои оказались для вас слишком тяжелыми и невыносимыми, так что вы ищете теперь, как бы от них отделаться; ну а другие легко их вынесут? никоим образом, афиняне. Хороша же в таком случае была бы моя жизнь – уйти на старости лет из отечества и жить, переходя из города в город, будучи отовсюду изгоняемым. Я ведь отлично знаю, что, куда бы я ни пришел, молодые люди везде будут меня слушать так же, как и здесь; и если я буду их отгонять, то они сами меня выгонят, подговорив старших, а если я не буду их отгонять, то их отцы и домашние выгонят меня из-за них же.

В таком случае кто-нибудь может сказать: "Но разве, Сократ, уйдя от нас, ты не был бы способен проживать спокойно и в молчании?" Вот в этом-то и всего труднее убедить некоторых из вас. В самом деле, если я скажу, что это значит не слушаться бога, а что, не слушаясь бога, нельзя оставаться спокойным, то вы не поверите мне и подумаете, что я шучу; с другой стороны, если я скажу, что ежедневно беседовать о доблестях и обо всем прочем, о чем я с вами беседую, пытая и себя, и других, есть к тому же и величайшее благо для человека, а жизнь без такого исследования не есть жизнь для человека, – если это я вам скажу, то вы поверите мне еще меньше. На деле-то оно как раз так, о мужи, как я это утверждаю, но убедить в этом

нелегко. Да к тому же я и не привык считать себя достойным чего-нибудь дурного. Будь у меня деньги, тогда бы я назначил уплатить деньги сколько полагается, в этом для меня не было бы никакого вреда, но ведь их же нет, разве если вы мне назначите уплатить столько, сколько я могу. Пожалуй, я вам могу уплатить мину серебра; ну столько и назначаю...

Немного не захотели вы подождать, о мужи афиняне, а вот от этого пойдет о вас дурная слава между людьми, желающими хулить наш город, и они будут обвинять вас в том, что вы убили Сократа, известного мудреца.

Конечно, кто пожелает вас хулить, тот будет утверждать, что я мудрец, пусть это и не так. Вот если бы вы немного подождали, тогда бы это случилось для вас само собою; подумайте о моих годах, как много уже прожито жизни и как близко смерть. Это я говорю не а всем вам, а тем, которые осудили меня на смерть. А еще вот что хочу я сказать этим самым людям: быть может, вы думаете, о мужи, что я осужден потому, что у меня не хватило таких слов, которыми я мог бы склонить вас на свою сторону, если бы считал нужным делать и говорить все, чтобы уйти от наказания. Вовсе не так. Не хватить-то у меня, правда что, не хватило, только не слов, а дерзости и бесстыдства и желания говорить вам то, что вам всего приятнее было бы слышать, вопия и рыдая, делая и говоря, повторяю я вам, еще многое меня недостойное – все то, что вы привыкли слышать от других. Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным делать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищаясь иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора. Потому что и в сражениях часто бывает очевидно, что от смерти-то можно иной раз уйти, или бросив оружие, или начавши умолять преследующих много есть и других способов избежать смерти в случае какой-нибудь опасности для того, кто отважится делать и говорить все. От смерти уйти нетрудно, о мужи, а вот что гораздо труднее – уйти от нравственной порчи, потому что она идет скорее, чем смерть. И вот я, человек тихий и старый, настигнут тем, что идет тише, а мои обвинители, люди сильные и проворные, – тем, что идет проворнее, – нравственную порчей. И вот я, осужденный вами, ухожу на смерть, а они, осужденные истиною, уходят назло и неправду; и я остаюсь при своем наказании, и они – при своем. Так оно, пожалуй, и должно было случиться, и мне думается, что это правильно.

А теперь, о мои обвинители, я желаю предсказать, что будет с вами после этого. Ведь для меня уже настало то время, когда люди особенно бывают способны пророчествовать, – когда им предстоит умереть. И вот я утверждаю, о мужи, меня убившие, что тотчас за моей смертью придет на вас мщение, которое будет много тяжелее той смерти, на которую вы меня осудили. Ведь теперь, делая это, вы думали избавиться от необходимости давать отчет в своей жизни, а случится с вами, говорю я, совсем обратное: больше будет у вас обличителей – тех, которых я до сих пор сдерживал и

которых вы не замечали, и они будут тем невыносимее, чем они моложе, и вы будете еще больше негодовать. В самом деле, если вы думаете, что, убивая людей, вы удержите их от порицания вас за то, что живете неправильно, то вы заблуждаетесь. Ведь такой способ самозащиты и не вполне возможен, и не хорош, а вот вам способ и самый хороший, и самый легкий: не закрывать рта другим, а самим стараться быть как можно лучше. Ну вот, предсказавши это вам, которые меня осудили, я ухожу от вас.

Вопросы и задания к тексту

1. Проанализируйте фрагмент речи Сократа. Почему те, кто голосовал за смертный приговор Сократу, причинили, по мысли философа, зло не ему, а себе?

2. Объясните, как вы понимаете высказывание известного русского философа А.Ф.Лосева, что в «Апологии» отражена «великая борьба исторических сил разных эпох».

3. Как характеризуют личность Сократа его известные афоризмы: «Я знаю, что я ничего не знаю», «Высшая мудрость – различать добро и зло», «Лучше мужественно умереть, чем жить в позоре»?

4. Прочитайте высказывание известного русского философа В.Соловьева из его произведения «Жизненная драма Платона» о значимости для европейской науки деятельности Сократа: «Смерть Сократа [...] породила новый взгляд на мир – платонический идеализм. Первое основание, «большая посылка» этого взгляда содержалась в учении Сократа; меньшая посылка была дана его смертью; эсний Платона вывел заключение, которое осталось скрытым для других учеников Сократа». Как вы понимаете метафору данного «силлогизма»? Почему мир, в котором праведник должен умереть за правду, Платон в своей философской концепции характеризует как ненастоящий, неподлинный?

5. Изучите биографию Сократа. Охарактеризуйте личность великого философа. Докажите, что Сократ остался верен своим принципам. Подготовьте выступление на тему: «Риторический и жизненный идеал Сократа».

АНТИЧНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ РЕЧЕЙ

I. Первая классификация речей по цели была предложена Аристотелем в его знаменитой «Риторике». С учетом места и времени общения оратор выделил речи совещательные, судебные и эпидейктические. При этом совещательная речь, как он считал, обращена в будущее, выступает в форме совета и ставит целью склонить к совершению определенного действия; судебная речь обращена в прошлое и ставит целью убедить в виновности или невинности подсудимого; эпидейктическая речь обращена к настоящему и ставит целью похвалить или поругать человека.

Определите вид следующих речей, их цель и установите, какие языковые средства формируют эмоциональный образ оратора.

1. ...Впрочем, чего еще недостает до крайней его надменности? Не предписывает ли он Фессалийцам, каким образом должны они управлять? Не посылает ли он наемные войска – один в Портмос, чтобы изгнать Эрейтрийских демократов, другие в Ореос, чтобы поставить тирана Филистида? Но тем не менее Эллины, видя это, терпят и, мне кажется, смотрят таким же образом на него, как смотрят на град, – всякий молится, чтобы этого не было, но никто не старается этому препятствовать. И не только никто не отражает то, благодаря чему вся Эллада им посрамляется, но не отражает и то, вследствие чего каждая греческая народность в отдельности от него терпит оскорбление. Дальше этого уже идти некуда! Не дошел ли до Амбраки и Левкады – колоний коринфских? Не поклялся ли передать ахейский город Навпакт Этолийцам? Не стянул ли он Эхин у Фиванцев? И теперь не идет ли он на Византийцев, его союзников? Не присвоил ли он – не от нас, я умалчиваю о прочем – не от Херсонеса – его главный город Кардию? И вот, нагло обращается со всеми, как, думаете вы, он терпя это, все мы медлим, нежиримся, смотрим на соседей, не доверяем друг другу, а не ему. Который наносит нам оскорбление. Так, если он сейчас поступит, когда станет господином над каждым из нас в отдельности?

Что же за причина настоящего положения? Ведь не без основания и не без справедливой причины тот факт, что тогда Эллины так рвались к свободе, а теперь так расположены к рабству. Было тогда, было, Афиняне. Нечто такое в образе мыслей большинства, чего теперь нет, что и одержало верх над богатством Персеев и вело к свободе Элладу, которая не уступала никому ни в морском, ни в пешем сражении. Теперь же все потеряно, все расстроилось и во всех делах низ стал верхом (Демосфен)¹.

2. До каких пор, скажи мне, Катилина, будешь злоупотреблять ты нашим терпением? Сколько может продолжаться эта опасная игра с человеком, потерявшим рассудок? Будет ли когда-нибудь предел разнузданной твоей заносчивости? Или ты не чувствуешь, что замыслы твои раскрыты, не видишь, что все здесь знают о твоём заговоре, и тем ты связан по рукам и ногам?

Таковы времена! Таковы наши нравы! Все понимает сенат, в видит консул, а этот человек еще живет и здравствует! Живет: Да если бы только это! Нет, он является в сенат, становится участником общегосударственных советов и при этом глазами своими намечает, назначает каждого из нас к закланию. А что же мы? Что делаем мы, опора государства? Неужели свой долг перед республикой мы видим в том, чтобы вовремя уклониться от его

---

¹ Демосфен. Из третьей речи «Против Филиппа» (царя Македонии) // Ораторы Греции. – М., 1985. – С. 39-64.

бешеных выпадов? Нет, Катилина, на смерть уже давно следует отправить тебя консульским приказом...

Боги бессмертные! Есть ли где народ, есть ли город такой, как наш? Что за государство у нас? Здесь, среди нас, отцы сенаторы, в этом священнейшем и могущественнейшем совете, равного которому не знает круг земель, здесь пребывают те, кто помышляет о нашей общей гибели, о крушении этого города и чуть ли не всего мира (Цицерон)².

3. Меня всегда удивляло, что на праздниках и состязаниях атлетов победителю в борьбе или в беге присуждают большие награды, а тем, кто трудится на общее благо, стремясь быть полезным не только себе, ни наград, ни почестей не воздают, хотя они более достойны уважения, ибо атлеты, даже если они станут вдвое сильнее, пользы не принесут никому, а мыслящий человек полезен всем, кто желает приобщиться к плодам его мысли. Но, решив с этим не считаться и полагая достаточной наградой славу, которую мне принесет эта речь, я пришел сюда, чтобы призвать Элладу к единству и к войне против варваров. Хотя многие притязавшие на звание ораторов, уже выступали на эту тему, я твердо намерен их превзойти, ибо лучшими речами считаю такие, которые посвящены самым важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и слушателям приносят наибольшую пользу, а моя речь, надеюсь, именно такова...

Пусть те из вас, кто сведущ в делах государства, добиваются примирения Афин и Спарты, а те, кто опытен в красноречии, пусть перестанут рассуждать о денежных залогах и прочих безделках, пусть лучше попробуют превзойти эту речь и поищут способа на эту тему высказаться красноречивей, чем я, помня, что настоящему мастеру слова следует не с пустяками возиться и не то внушать слушателям, что для них бесполезно, а то, что их избавит от бедности и другим принесет великие блага (Исократ)¹.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНТИЧНОГО ОРАТОРСКОГО ИСКУССТВА «РИТОРИКА» АРИСТОТЕЛЯ²

*Прочитайте фрагменты трактата «Риторика» Аристотеля.
Выполните задания, данные после текстов.*

Книга первая

Глава I. *Отношение риторики к диалектике. – Всеобщность риторики. –
Возможность построить систему ораторского искусства. –
Неудовлетворительность более ранних систем ораторского искусства. –*

² Цицерон Марк Тулий. Против Катилины // Цицерон. Избранные сочинения. – М., 1975. – С. 134-147.

¹ Исократ. Панегирик // Ораторы Греции. – М., 1985. – С. 339-364.

² Античные риторики / Под ред. А.М.Тахо-Годи. – М., 1978.

Что должен доказывать оратор? Закон должен по возможности все определять сам; причины этого. – Вопросы, подлежащие решению судьи. – Почему исследователи предпочитают говорить о речах судебных? – Отношение между силлогизмом и энтимемой. – Польза риторики.

Риторика – искусство, соответствующее диалектике, так как обе они касаются таких предметов, знакомство с которыми может некоторым образом считаться общим достоянием всех и каждого и которые не относятся к области какой-либо отдельной науки. Вследствие этого все люди некоторым образом причастны обоим искусствам, так как всем в известной мере приходится как разбирать, так и поддерживать какое-нибудь мнение, как оправдываться, так и обвинять. В этих случаях одни поступают случайно, другие действуют согласно со своими способностями, развитыми привычкою. Так как возможны оба эти пути, то, очевидно, можно возвести их в систему, поскольку мы можем рассматривать, вследствие чего достигают цели как те люди, которые руководятся привычкою, так и те, которые действуют случайно [...]. До сих пор те, которые строили системы риторики, выполнили лишь незначительную часть своей задачи, так как в этой области только доказательства обладают признаками, свойственными ораторскому искусству, а всё остальное не что иное, как аксессуары.

Итак, очевидно, что риторика не касается какого-нибудь отдельного класса предметов, но, как и диалектика, [имеет отношение ко всем областям], а также что она полезна и что дело её – не убеждать, но в каждом данном случае находить способы убеждения [...]

Кроме того, очевидно, что к области одного и того же искусства относится изучение как действительно убедительного, так и кажущегося убедительным, подобно тому, как к области диалектики относится изучение как действительно так и кажущегося силлогизма: человек делается софистом не в силу какой-нибудь особенной способности, а в силу намерения, с которым он пользуется своим дарованием. Впрочем, здесь [в риторике] имя ратора будет даваться сообразно как со знанием, так и с намерением [которое побуждает человека говорить]. Там же [в логике] софистом называется человек по своим намерениям, а диалектиком – не по своим намерениям, а по своим способностям.

Глава II. *Место риторики среди других наук и искусств. – Технические и нетехнические способы убеждения. – Три вида технических способов убеждения. – Риторика – отрасль диалектики и политики. – Пример и энтимема. – Анализ убедительного. – Вопросы, которыми занимается риторика. – Из чего выводятся энтимемы? – Определение вероятного. – Виды признаков. – Пример – риторическое наведение. – Общие места (τόποι) и частные энтимемы (εἴδη).*

Итак, определим риторику как способность находить возможные способы убеждения относительно каждого данного предмета. Это не составляет задачи какого-нибудь другого искусства, потому что каждая

другая наука может поучать и убеждать только относительно того, что принадлежит к её области, как, например, врачебное искусство - относительно того, что способствует здоровью или ведёт к болезни, геометрия – относительно чисел; точно так же и другие искусства и науки; риторика же, по-видимому, способна находить способы убеждения относительно каждого данного предмета, потому-то мы и говорим, что она не касается какого-нибудь частного, определённого класса предметов.

Из способов убеждения одни бывают «нетехнические», другие же «технические». «Нетехническими» (atechnoi) я называю те способы убеждения, которые не нами изобретены, но существовали раньше [помимо нас]; сюда относятся: свидетели, показания, данные под пыткой, письменные договоры и т.п.; «технические» же (entechnoi) [я называю] те, которые могут быть созданы с помощью метода и наших собственных средств, так что первыми из доказательств нужно только пользоваться, вторые же нужно [предварительно] найти.

Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или другого настроения слушателя, третьи – от самой речи. Эти последние заключаются в действительном или кажущемся доказывании.

[Доказательство достигается] с помощью нравственного характера [говорящего] в том случае, когда речь произносится так, что внушает доверие к человеку, её произносящему, потому что вообще мы более и скорее всего верим людям хорошим.[...]

Доказательство находится в зависимости от самих слушателей, когда последние приходят в возбуждение под влиянием речи, потому что мы выносим различные решения под влиянием удовольствия или неудовольствия, любви или ненависти. Этих-то способов убеждения, повторяем, исключительно касаются нынешние теоретики словесного искусства. Каждого из этих способов в отдельности мы коснёмся тогда, когда будем говорить о страстях.

Наконец, самая речь убеждает нас в том случае, когда оратор выводит действительную или кажущуюся истину из доводов, которые оказываются в наличности для каждого данного вопроса.

Что же касается способов доказывать действительным или кажущимся образом, то как в диалектике есть наведение, силлогизм и кажущийся силлогизм, точно так же и здесь, потому что пример есть не что иное, как наведение, энтимема - силлогизм, кажущаяся энтимема - кажущийся силлогизм.[...]

Очевидно, что тот и другой род риторической аргументации имеет свои достоинства. Что мы говорили в "Методике", то мы находим также и здесь: одни речи богаты примерами, другие энтимемами; точно так же и из ораторов одни склонны к примерам, другие к энтимемам. Речи, наполненные примерами, не менее убедительны, но более впечатления производят речи, богатые энтимемами.

Между энтимемами есть одно громадное различие, совершенно забываемое почти всеми исследователями, [...] заключается оно в том, что одни из энтимем образуются согласно с риторическим, а также с диалектическим методом силлогизмов, другие согласно с другими искусствами и возможностями [...]. Я говорю, что силлогизмы диалектические и риторические касаются того, о чём мы говорим общими местами – топами (τοποι); они общие для рассуждений о справедливости, о явлениях природы и многих других, отличных один от другого предметах; таков, например, топ большого и меньшего, потому что одинаково удобно на основании его построить силлогизм или энтимему как относительно справедливости и явлений природы, так и относительно какого бы то ни было другого предмета, хотя бы эти предметы и были совершенно различны по природе. Частными же я называю энтимемы, которые выведены из посылок, относящихся к отдельным родам и видам явлений; так, например, есть посылки физики, из которой нельзя вывести энтимему или силлогизм относительно этики, а в области этики есть другие посылки, из которых нельзя сделать никакого вывода для физики, точно так же и в областях всех [других наук]. [...]

Теперь точно так же, как в «Топике», нам нужно рассмотреть виды энтимем, а также топы, из которых их нужно выводить. Видами я называю посылки, одинаково общие всем предметам.

Глава III. *Три элемента, из которых слагается речь. – Три рода слушателей. – Три рода риторических речей. – Предмет речей совещательных, судебных, эпидейктических. – Время, которое имеет в виду каждый из трех родов речей. – Цель каждого рода речи. – Необходимость знать посылки каждого рода речи.*

Есть три вида риторики, потому что есть столько же родов слушателей. Речь слагается из трёх элементов: из самого оратора, из предмета, о котором он говорит, и из лица, к которому он обращается; он-то и есть конечная цель всего (я разумею слушателя). Слушатель необходимо бывает или простым зрителем, или судьёй, и притом судьёй или того, что уже совершилось, или же того, что может совершиться. Примером человека, рассуждающего о том, что имеет быть, может служить член народного собрания, а рассуждающего о том, что уже было, – член судилища; человек, обращающий внимание [только] на дарование [оратора], есть простой зритель. Таким образом, естественно является три рода речей: совещательные, судебные и эпидейктические. Дело речей совещательных – склонять или отклонять, потому что как люди, которым приходится совещаться в частной жизни, так и ораторы, произносящие речи публично, делают одно из двух [или склоняют, или отклоняют].

Что же касается судебных речей, то дело их – обвинять или оправдывать, потому что тяжущиеся всегда делают непременно одно что-нибудь из двух [или обвиняют, или оправдываются].

Дело эпидейктической речи – хвалить или порицать. Что касается времени, которое имеет в виду каждый из указанных родов речи, то человек, совещаясь, имеет в виду будущее: отклоняя от чего-нибудь или склоняя к чему-нибудь, он даёт советы относительно будущего. Человек тяжущийся имеет дело с прошедшим временем, потому что всегда по поводу событий, уже совершившихся, один обвиняет, а другой защищается. Для эпидейктического оратора наиболее важным представляется настоящее время, потому что всякий произносит похвалу или хулу по поводу чего-нибудь существующего; впрочем, ораторы часто сверх того пользуются и другими временами, вспоминая прошедшее или строя предположения относительно будущего. У каждого из этих родов речей различная цель, и так как есть три рода речей, то существуют и три различных цели: у человека, дающего совет, цель – польза и вред: один даёт совет, побуждая к лучшему, другой отговаривает, отклоняя от худшего; остальные соображения, как-то: справедливое и несправедливое, прекрасное и постыдное – здесь на втором плане.

Для тяжущихся целью служит справедливое и несправедливое, но и они присоединяют к этому другие соображения.

Для людей, произносящих хвалу или хулу, целью служит прекрасное и постыдное; но сюда также привносят прочие соображения.[...]

[...] Кроме того, так как все ораторы, как произносящие хвалу или хулу, так и уговаривающие и отговаривающие, а также и обвиняющие и оправдывающие, не только стремятся доказать что-нибудь, но и стараются показать великость или ничтожество добра или зла, прекрасного или постыдного, справедливого или несправедливого, рассматривая при этом предметы безотносительно, сами по себе или сопоставляя их один с другим. Ввиду всего этого очевидно, что нужно иметь наготове посылки как общего, так и частного характера относительно великости и ничтожества и относительно большего и меньшего, например, относительно того, что можно назвать большим или меньшим благом, или большим или меньшим преступлением, или более или менее справедливым деянием; точно так же и относительно остальных предметов.

Итак, мы сказали, относительно чего необходимо иметь наготове посылки. После этого следует разобрать [предмет] каждого из указанных [родов речей] в отдельности: чего касаются совещательные, эпидейктические и судебные речи.

Глава VI. *Цель речи совещательной – польза, польза – благо; определение блага. – Три рода действующих причин. – К категории блага относятся: добродетель, удовольствие, блаженство, добродетели души, красота и здоровье, богатство и дружба, честь и слава, умение хорошо говорить и действовать, природные дарования, науки, знания и искусства, жизнь, справедливость. – Блага спорные. – Еще одно определение блага. – Два рода невозможного.*

[...] Определим благо, как нечто такое, что желательно само по себе, ради чего мы желаем и другого, к чему стремится все или, по крайней мере, все, способное ощущать и одаренное разумом, или если бы было одарено разумом.

[...] Одним словом, благом необходимо признать следующее: блаженство, потому что оно желательно само по себе и обладает свойством самодовлеемости [...]. Справедливость, мужество, умеренность, великодушие, щедрость и тому подобные качества, потому что это – добродетели души. Красота, здоровье и тому подобное – также блага, потому что все это – добродетели тела, которые создают много благ, например, здоровье создает удовольствие и жизнь, почему оно и считается высшим благом [...]. Богатство, так как оно представляет собой достоинство имущественного состояния и служит причиной многих благ. Друг и дружба, потому что друг желателен сам по себе, а, кроме того, он может многое сделать. Честь, слава, потому что они приятны и потому что они создают многое [...]. Сюда же относится даровитость, память, понятливость, сметливость и все тому подобные качества, потому что они создают блага. Равным образом [сюда принадлежат] все отрасли знания и все искусства. Сама жизнь [есть благо], потому что, если бы даже с ней не было сопряжено никакое другое благо, она желательна сама по себе. Наконец, справедливость [есть также благо], потому что она полезна всем [...].

Глава IX. *Объекты эпидейктической речи. – Определение прекрасного. [...] Похвала и энкомий. [...] Относимые похвалы к совету. – Усиливающие обстоятельства, сравнения и преувеличения пригодны для эпидейктической речи; для советательной пригодны примеры, для судебной – энтимемы.*

Вслед за этим поговорим о добродетели и пороке, прекрасном и постыдном, потому что эти понятия являются объектами для человека, произносящего хвалу или хулу.

Похвала есть способ изъяснять величие добродетели какого-нибудь человека; следовательно, нужно показать, что деяния этого человека носят характер добродетели. Энкомий же относится к самим делам (другие же обстоятельства внешнего характера, например, благородство происхождения и воспитание, служат поводом, так как естественно, что от хороших предков происходят хорошие потомки и что человек, воспитанный именно так, будет именно таким). Потому то мы и прославляем в энкомиях людей, совершивших что-нибудь.[...]

Похвала и совет сходны по своему виду, потому что то, что при подавании совета может служить поучением, то само делается похвалой, раз изменён способ выражения.[...] Если ты не находишь, что сказать о человеке самом по себе, сравни его с другим, как это делал Исократ вследствие непривычки говорить на суде. Следует сравнивать человека с людьми именитыми, потому что, если он кажется лучше людей, достойных уважения, его достоинства от этого выиграют. Преувеличение по справедливости

употребляется при похвалах, потому что похвала имеет дело с понятием превосходства, а превосходство принадлежит к числу речей прекрасных, потому, если нельзя сравнивать человека со знаменитыми людьми, следует сопоставлять его вообще с другими людьми, потому что превосходство служит признаком добродетели. Вообще, из приёмов, одинаково принадлежащим всем [трём] родам речей, преувеличение всего более подходит к речам эпидейктическим, потому что здесь оратор имеет дело с деяниями, признанными за неоспоримый факт; ему остаётся только облечь их величиём и красотой. Что же касается примеров, то они наиболее подходят к речам совещательным, потому что мы произносим суждения о будущем, делая предположения на основании прошедшего. Энтимемы, напротив, [наиболее пригодны] для речей судебных, потому что прошедшее, вследствие своей неясности, особенно требует указания причины и доказательства.

Вопросы и задания

1. Укажите, чем риторика Аристотеля отличается от существующих уже опытов систематизации знаний ораторского искусства. Определите положения, на которых базируется концепция риторики Аристотеля.

2. Как Аристотель определяет риторику? Какие способы убеждения выделяет ученый?

3. Одинаковой ли силой воздействия обладают логический и эмпирический способы убеждения? Рекомендует ли Аристотель пользоваться какими-либо принципами при выборе способа аргументации?

4. Из каких трех элементов, согласно Аристотелю, состоит речь? Как меняется построение речи в зависимости от вида слушателей? Обоснуйте, почему именно на учет третьего компонента базируются принципы изучения современной риторики.

5. Вспомните, какие три рода риторических речей выделял Аристотель. Какую цель преследуют ораторы, по мнению древнегреческих философов? Что характеризует эпидейктические речи? Какие основные особенности совещательных речей? Составьте таблицу, отразив в ней принципы классификации речей Аристотеля.

Книга вторая

Глава I. *Цели риторики – Условия, придающие речи характер убедительности. – Причины, возбуждающие доверие к оратору. – Определение страсти. – Три точки зрения, с которых следует рассматривать каждую из страстей.*

[...] Так как сама риторика существует для вынесения решения (crisis) – ведь и в совещательных делах приходят к [определённому] решению, и суд также выносит своё решение, – поэтому необходимо не только заботиться о том, чтобы речь была доказательной и возбуждающей доверие, но также и показать себя человеком известного склада и настроить известным образом

судью, потому что для убедительности речи весьма важно (особенно в речах совещательных, а затем и в судебных), чтобы оратор показался человеком известного склада и чтобы [слушатели] поняли, что он к ним относится известным образом, а также чтобы и они были к нему расположены известным образом.[...]

Есть три причины, возбуждающие доверие к говорящему, потому что есть именно столько вещей, в силу которых мы верим без доказательств, – это разум, добродетель и благорасположение .[...]

Страсти – всё то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]. Каждую из них следует рассмотреть с трёх точек зрения, например, гнев: в каком состоянии люди бывают сердиты, на кого они обыкновенно сердятся, за что. Если мы выяснили один или два из этих пунктов, но не все, мы были бы не в состоянии возбудить гнев: точно то же [можно сказать] и относительно других [страстей].[...]

Глава IV. *Определение понятия "любить" и понятия "друг". – Кого и почему люди любят? - виды дружбы и отношение дружбы к услуге. – Понятие вражды и ненависти, отношение их к человеку. – Как может пользоваться этими понятиями оратор для своей цели.*

[...] Кого люди любят и кого ненавидят и почему, об этом мы скажем, определив понятие дружбы (*philia*) и любви (*philein*). Пусть любить значит желать кому-нибудь того, что считаешь благом, ради него, а не ради самого себя, и стараться по мере сил доставлять ему блага. Друг - тот, кто любит, взаимно любим. Люди которым кажется, что они так относятся друг к другу, считают себя друзьями. Раз эти положения установлены, другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих. [...] Итак, желающий другому того, чего он желает самому себе, кажется другом этого другого человека..[...]

[Любим мы] и тех, с кем приятно жить и проводить время, а таковы: люди обходительные, несклонные изобличать ошибки [других], не любящие спорить и ссориться, потому что все люди такого сорта любят сражаться, а раз люди сражаются, представляется, что у них противоположные желания.

[Любим мы] и тех, кто умеет пошутить и перенести шутку, потому что умеющие перенести шутку и прилично пошутить, и те, и другие доставляют одинаковое удовольствие своему ближнему. [Мы любим] также людей, хвалящих те хорошие качества, которые в нас есть, особенно, если мы боимся оказаться лишёнными этих качеств.[...]

[...] Мы любим и желаем быть друзьями тех, с кем соперничаем и для кого желаем быть объектом соревнования, а не зависти.[...]

[Любим мы] и тех, кто не притворяется перед нами, таковы, например, те люди, которые говорят о своих недостатках, ибо, как мы сказали, перед

друзьями мы не стыдимся того, от чего может зависеть репутация; итак, если человек, испытывающий [в подобных случаях] стыд, не любит, то человек, не испытывающий стыда, похож на любящего. [Мы любим] ещё людей, которые не внушают нам страха и на которых мы полагаемся, потому что никто не любит того, кого боится. Виды любви – товарищество, свойство, родство и т. п. Порождает дружбу услуга – когда окажешь её, не ожидая просьбы, и когда, оказав её, не выставляешь её на вид, ибо в таком случае кажется, что [услуга оказана] ради самого человека, а не ради чего-нибудь другого.[...]

Что касается вражды и ненависти, то очевидно, что их нужно рассматривать с помощью понятий противоположных. Вражду порождают гнев, оскорбление, клевета. Гнев проистекает из вещей, имеющих непосредственное отношение к нам самим, а вражда может возникнуть и без этого [...]. Гнев врачуется временем, ненависть же неизлечима.[...]

Глава XII. *Нравы (черты характера) людей в различных возрастах: черты, свойственные юности.*

Я называю страстями гнев, желание и тому подобные [движения души], о которых мы говорили раньше, качествами - добродетели и пороки, о них сказано раньше, а также о том, что предпочитают отдельные личности и что способны делать. Возраст - это юность, зрелый возраст и старость. Делом случая (*tychē*) я называю благородство происхождения, власть и вещи противоположные этим, и вообще удачу (*eutychia*) и неудачу (*dystychia*).

Юноши по своему нраву склонны к желаниям, а также склонны исполнять то, чего желают [...]. По отношению к страстям они переменчивы и легко пресыщаются ими. Они сильно желают и скоро перестают [желать]; их желания пылки, но не сильны, как жажда и голод у больных. Они страстны, вспыльчивы и склонны следовать гневу. Они слабее гнева, [не могут совладать с гневом], ибо по своему честолюбию они не переносят пренебрежения и негодуют, когда считают себя обиженными. Они любят почёт, но ещё более любят победу, потому что юность жаждет превосходства, а победа есть некоторого рода превосходство. Обоими этими качествами они обладают в большей степени, чем корыстолюбием: они совсем не корыстолюбивы, потому что ещё не испытали нужды [...]. Они не злы, а добродушны, потому что не видели многих низостей. Они легковёрны, потому что не во многом были обмануты. [...] Они преимущественно живут надеждой, потому что надежда касается будущего, а воспоминание – прошедшего; у юношей же будущее продолжительно, прошедшее же кратко: в первый день не о чем помнить, надеяться же можно на всё. Их легко обмануть вследствие сказанного: они легко поддаются надежде. Они чрезвычайно смелы, потому что пылки и исполнены надежд [...]. Они великодушны, потому что жизнь ещё не унизила их и они не испытали нужды; считать себя достойным великих [благ] означает великодушие, и это свойственно человеку, исполненному надежд. В своих занятиях они

предпочитают прекрасное полезному, потому что живут более сердцем, чем расчётом; расчёт касается полезного, а добродетель прекрасного. Юноши более, чем люди других возрастов, любят друзей, семью, товарищей, потому что находят удовольствие в совместной жизни и ни о чём не судят с точки зрения пользы, так что и о друзьях не [судят так]. Они во всём грешат крайностью и излишеством вопреки Хилонову изречению: они всё делают через меру: чересчур любят и чересчур ненавидят и во всём остальном также они считают себя всеведущими и утверждают это; вот причина, почему [они всё делают] через меру. И несправедливости они совершают по своему высокомерию, а не по злобе. Они легко доступны состраданию, потому что считают всех честными и слишком хорошими: они меряют своих ближних своей собственной неиспорченностью, так что полагают, что те терпят незаслуженно. Они любят посмеяться и сказать острое словцо, так как остроумие есть отшлифованное высокомерие.

Глава XXIII. *Различные топы, которыми можно пользоваться в речи для построения энтимем. – Преимущество энтимем обличительных.*

[...] Ещё один [топ получается] из понятия большего или меньшего, например: если даже боги знают не всё, то едва ли [всё знают] люди. Это значит, что если чего-нибудь нет [у человека], у которого это должно бы быть в большей степени, то ясно, что [этого] нет [и у человека], обладающего этим в меньшей степени. А [заключение], что бьёт своих близких тот, кто бьёт своего отца, [вытекает] из того, что если есть меньшее, то есть и большее, ибо реже бьют своих отцов, чем своих близких.

[...] Ещё один [топ получается] из определения понятия, например, что такое [сократовский] "демонион". Есть ли это божество или создание божества? [...]

[...] Ещё один [топ составляется] на основании нескольких значений, [которые может иметь слово], как, например, мы говорили в «Топике» о слове «хорошо».

Ещё один [топ получается] из разделения, например, если все поступают несправедливо по трём причинам – или по этой, или по той, или по той - по двум первым [поступить несправедливо в данном случае] невозможно, а о третьей не говорят сами [обвинители].

[...] Ещё один [топ получается], когда люди не одно и то же хвалят, на словах и про себя, но на словах хвалят преимущественно всё справедливое и прекрасное, а про себя более желают полезного – здесь можно строить двойкий силлогизм; этот способ наиболее пригоден по отношению к парадоксам.

Ещё один [топ получается] из заключения, что по аналогии получалось бы то-то, как, например, когда сына Ификрата, по возрасту ещё очень молодого, хотели заставить принимать участие в государственных повинностях на том основании, что он велик ростом, то Ификрат сказал, что если они детей,

высоких ростом, считают мужами, то признают людей, низких ростом, за детей.

[...] Ещё один [топ], общий при тяжбах и совещаниях, заключается в рассмотрении обстоятельств, способствующих и препятствующих, а также тех, под влиянием которых люди что-нибудь делают или избегают делать; таковы обстоятельства, при наличии которых нужно делать что-нибудь, а при отсутствии – нужно не делать, например, если что-нибудь возможно, легко и полезно или для самого человека, или для его друзей, или же вредно и невыгодно для врагов, или же если наказание [за проступок] меньше самого проступка. Люди побуждают, исходя из этих [мотивов], и отклоняют, исходя из [мотивов] противоположных. Исходя из тех же самых [мотивов] люди обвиняют и оправдываются: оправдываются, опираясь [на обстоятельства], препятствующие [совершению чего-нибудь], и обвиняют, опираясь на [обстоятельства] способствующие.[...]

[...] Ещё один [топ проистекает] из причины; [он заключается в доказательстве], что что-нибудь есть, если есть [его причина], и что чего-нибудь нет, если нет [причины]; ибо причина и то, чему она служит причиной, сосуществуют и ничто не существует без причины.[...]

Вопросы задания

1. Какие условия, согласно Аристотелю, придают речи убедительность? Расскажите о значении, которые, по мнению Аристотеля, имеют личностные качества говорящего.

2. Опишите образ оратора, который, с точки зрения Аристотеля, способен вызывать доверие публики.

3. Перечислите факторы, которые, по мнению Аристотеля, влияют на убедительность речи.

4. Как вы понимаете крылатое выражение Сократа, оценивающее личность говорящего «Заговори, чтоб я тебя увидел»? Подумайте, какие именно характерные черты личности отражает речь человека?

Книга третья

Глава I. *Три основных вопроса, касающихся риторического искусства. – Стиль (декламация), три качества, обуславливающие его достоинства. – Важное значение стиля. Разница между стилем поэтическим и стилем риторическим.*

Есть три пункта, которые должны быть обсуждены по отношению к ораторской речи: во-первых, откуда возникнут способы убеждения, во-вторых, о стиле (*lexis*), в-третьих, как следует строить части речи.[...] В связи с этим следует сказать о стиле, потому что недостаточно знать, что следует сказать, но необходимо также сказать это, как должно; это много способствует тому, чтобы речь произвела нужное впечатление. Прежде всего согласно естественному порядку вещей поставлен был вопрос о том, что по своей природе является первым, то есть о самих вещах, из которых вытекает

убедительное, во-вторых, о способе расположения их при изложении. Затем, в-третьих, [следует] то, что имеет наибольшую силу, хотя ещё не было предметом исследования – вопрос о декламации.[...] Очевидно, что для риторики есть условия, подобные условиям для поэтики, о чём трактовали некоторые другие, в том числе Главкон Теосский. Действие заключается здесь в голосе; [следует знать], как нужно пользоваться голосом для каждой страсти, например, когда следует [говорить] громким голосом, когда тихим, когда средним, и как нужно пользоваться интонациями, например, пронзительной, глухой и средней, и какие ритмы [употреблять] для каждого данного случая. Здесь есть три пункта, на которые обращается внимание: сила (*megethos*), гармония и ритм.

...Так как всё дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует стремиться только к тому, чтобы речь не причиняла ни печали, ни радости: справедливо сражаться оружием фактов так, чтобы всё находящееся вне области доказательства, становилось излишним. Однако, как мы сказали, [стиль] оказывается весьма важным вследствие нравственной испорченности слушателя. При всяком обучении стиль необходимо имеет некоторое небольшое значение, потому что для выяснения чего-либо есть разница в том, выразишься ли так или этак; но всё-таки [значение это] не так велико, [как обыкновенно думают]: всё это относится к внешности и касается слушателя. [...]

Глава II. Достоинство стиля - ясность. – Выражения, способствующие ясности стиля. – Что годится для речи стихотворной и что для прозаической? – Какие выражения должно употреблять в речи прозаической? – Употребление синонимов и омонимов. – Употребление эпитетов и метафор. – Откуда следует заимствовать метафоры? – Как следует создавать эпитеты?

Рассмотрев это, определим, что достоинство стиля заключается в ясности; доказательством этого служит то, что, раз речь не ясна, она не достигнет своей цели. [Стиль не должен быть] ни слишком низок, ни слишком высок, но должен подходить [к предмету речи]; и поэтический стиль, конечно, не низок, но он не подходит к ораторской речи. Из имён и глаголов те отличаются ясностью, которые вошли во всеобщее употребление. Другие имена, которые мы перечислили в сочинении, касающемся поэтического искусства, делают речь не низкой, но изукрашенной, так как отступление [от речи обыденной] способствует тому, что речь кажется более торжественной: ведь люди так же относятся к стилю, как к иноземцам и своим согражданам. Поэтому-то и следует придавать языку характер иноземного, ибо люди склонны удивляться тому, что [приходит] издалека, а то, что в удивление, приятно. В стихах многое производит такое действие и годится там, [то есть в поэзии], потому что предметы и лица, о которых [там] идёт речь, более удалены [от житейской прозы]. Но в прозаической речи таких средств гораздо меньше, потому что предмет их менее возвышен; здесь

было бы ещё неприличнее, если бы раб, или человек слишком молодой, или кто-нибудь, говорящий о слишком ничтожных предметах, выражался возвышенным слогом. Но и здесь прилично говорить то принижая, то возвышая слог, сообразно [с трактуемым предметом], и это следует делать незаметно, делая вид, будто говоришь не искусственно, а естественно, потому что естественное способно убеждать, а искусственное напротив. [Люди] недоверчиво относятся к такому [оратору], как будто он замышляет [что-нибудь против них], точно так же, как к подмешанным винам. [Стиль оратора должен быть таков], был каким голос Феодора по сравнению с голосами других актёров: его голос казался голосом того человека, который говорил, а их голоса звучали совершенно чуждо.

[...] Слова общеупотребительные, принадлежащие родному языку, метафоры – вот единственный материал, полезный для стиля прозаической речи. Доказывается это тем, что все пользуются только такого рода выражениями: все обходятся с помощью метафор и слов общеупотребительных. Но, очевидно, кто сумеет это ловко сделать, иностранное слово проскользнёт в речи незаметно и будет иметь ясный смысл. В этом и заключается достоинство ораторской речи.

[...] Нужно употреблять в речи подходящие эпитеты и метафоры, а этого можно достигнуть с помощью аналогии; в противном случае [метафора и эпитет] покажутся неподходящими, вследствие того, что противоположность двух понятий наиболее ясна в том случае, когда эти понятия стоят рядом. Нужно рассудить, что так же [подходит] для старика, как пурпуровый плащ для юноши, потому что тому и другому приличествует не одно и то же. И если желаешь представить что-нибудь в прекрасном свете, следует заимствовать метафору от предмета лучшего в самом роде вещей; если же [хочешь] выставить что-нибудь в дурном свете, то [следует заимствовать её] от худших вещей, например, так как [приводимые понятия] являются противоположностями в одном и том же роде вещей, о просящем милостыню сказать, что он просто обращается с просьбой, а об обращающемся с просьбой сказать, что он просит милостыню на том основании, что оба [выражения обозначают] просьбу [...].

Есть ещё третье [условие], которым опровергается софистическое правило: неверно утверждение Брисона, будто нет ничего дурного в том, чтобы одно слово употребить вместо другого, если они значат одно и то же. Это ошибка, потому что одно слово более употребительно, более подходит, скорее может представить дело перед глазами, чем другое. Кроме того, и разные слова представляют предмет не в одном и том же свете, так что и с этой стороны следует предположить, что одно [слово] прекраснее или безобразнее другого. Оба слова означают прекрасное или безобразное, но не [говорят], поскольку оно прекрасно или поскольку безобразно, или [говорят об этом], но [одно] в большей, [другое] в меньшей степени. Метафоры следует заимствовать от слов, прекрасных по звуку, или по значению, или [заключающих в себе нечто приятное] для зрения или для какого-либо

другого чувства. Например, есть разница в выражениях о заре: "розовоперстая" лучше, чем "пурпуроперстая", а "красноперстая" хуже. То же и в области эпитетов: можно создавать эпитеты на основании дурного или постыдного, например, [эпитет] "матереубийца", но можно также создавать их на основании хорошего, например, "мститель за отца".

Глава III. *Четыре причины, способствующие холодности [выспренности] стиля: употребление сложных слов, необычных выражений, ненадлежащее пользование эпитетами, употребление неподходящих метафор.*

Холодность стиля может происходить от четырёх причин, во-первых, от употребления сложных слов, как, например, Ликофрон говорит о «многоликом небе высоковершинной земли» и об «узкодорожном берегу».[...] Или как Алкимадант говорил о «душе, исполненной гнева», и о «лице, делающимся огнецветным». Все эти выражения поэтичны, потому что они составлены из двух слов. Вот в чём заключается одна причина [холодности стиля]. Другая состоит в употреблении необычных выражений, как, например, Ликофрон называет Ксеркса «мужем-чудовищем» и Скирон у него «муж-хищник», и как Алкимадант [говорит] об «игрушках» поэзии, и о «природном грехе», и о человеке, «возбуждённом неукротимым порывом своей мысли». Третья причина заключается в употреблении эпитетов или длинных, или неуместных, или в большом числе; в поэзии, например, вполне возможно называть молоко белым, в прозе же [подобные эпитеты] совершенно неуместны; если их слишком много, они обнаруживают [риторическую искусственность] и доказывают, что раз нужно ими пользоваться, это есть уже поэзия, так как употребление их изменяет обычный характер речи и сообщает стилю оттенок чего-то чуждого. В этом отношении следует стремиться к умеренности, потому что [неумеренность здесь] есть большее зло, чем речь простая, [то есть лишённая эпитетов]: в последнем случае речь не имеет достоинства, а в первом она включает в себе недостатки. Вот почему произведения Алкимаданта кажутся холодными: он употребляет эпитеты не как приправу, а как кушанье, так у него они часты, преувеличены и бросаются в глаза [...].

Наконец, четвёртая [причина, от которой может происходить] холодность стиля, заключается в метафорах. Есть метафоры, которые не следует употреблять, – одни потому, что [они имеют] смешной смысл, почему и авторы комедий употребляют метафоры, другие потому, что смысл их слишком торжествен и трагичен; кроме того, [метафоры имеют] неясный смысл, если [они заимствованы] издалека, так, например, Горгий говорит о делах "бледных" и "кровавых" Или: "ты в этом деле посеял позор и пожал несчастье". Подобные выражения имеют слишком поэтический вид.[...]

Глава IV. *Сравнение, его отношение к метафоре. – Употребление сравнений.*

Сравнение (εἰσὼν) есть также метафора, так как между тем и другим существует лишь незначительная разница. Так, когда поэт [говорит] об Ахилле: «он ринулся, как лев», это есть сравнение. Когда же он говорит: «лев ринулся» – это есть метафора: так как оба обладают храбростью, то поэт, пользуясь метафорой, назвал Ахилла львом.[...]

Глава V. *Пять условий, от которых зависит правильность языка. – Удобочитаемость и удобопонимаемость письменной речи. – Причины, ведущие к неясности речи.*

[...] Итак, первое условие заключается в правильном употреблении союзов. Второе [заключается] в употреблении собственно самих слов, а не описательных выражений. В-третьих, не [следует употреблять] двусмысленных выражений, кроме тех случаев, когда это делается умышленно,[...]. В-четвёртых, следует правильно употреблять роды имён, как их разделял Протагор – на мужские, женские и средние, [...]. В-пятых, [следует] соблюдать последовательность в числе, идёт ли речь о многих, или о немногих, или об одном, [...].

Вообще написанное должно быть удобочитаемо и удобопонимаемо, а это – одно и то же. Этими свойствами не обладает речь со многими союзами, а также речь, в которой трудно расставить знаки препинания, как, например, в творениях Гераклита - [большой] труд, потому что неясно, к чему что относится ... [...]

Глава VI. *Что способствует пространности и сжатости стиля?*

Пространности (οἰσὼν) стиля способствует употребление определения понятия вместо имени, [обозначающего понятие], например, если сказать не "круг", а "плоская поверхность, все конечные точки которой равно отстоят от центра". Сжатости (συνομία) же [стиля способствует] противоположное, то есть [употребление] имени вместо определения понятия.

Глава VII. *Какими свойствами должен обладать стиль? – Как этого достигнуть?*

Стиль будет обладать надлежащими качествами, если он полон чувства (patheticē), если он отражает характер (ethicē) и если он соответствует истинному положению вещей. Последнее бывает в том случае, когда о важных вещах не говорится слегка и о пустяках не говорится торжественно и когда к простому имени (слову) не присоединяется украшение; в противном случае стиль кажется шутовским.[...]

Слушатель всегда сочувствует оратору, говорящему с чувством, если даже он не говорит ничего [основательного]; вот таким-то способом многие ораторы с помощью только шума производят сильное впечатление на слушателей.

Выражение мыслей с помощью знаков (σήμεῖον) отражает характер [говорящего], ибо для каждого положения и душевного качества есть свой

соответствующий язык; положение я различаю по возрасту, например, мальчик, муж или старик; [по полу], например, женщина или мужчина; [по национальности], например, лаконец или фессалиец. Душевными качествами [я называю] то, сообразно чему человек в жизни бывает таким, а не иным, потому что образ жизни бывает именно таким, а не иным в зависимости не от каждого душевного качества; и если оратор употребляет выражения, соответствующие душевному качеству, он обнаруживает свой нравственный облик, потому что человек неотёсанный и человек образованный сказали бы не одно и то же и не в одних и тех же выражениях.

Все эти виды [оборотов] одинаково могут быть употреблены кстати или некстати. При всяком несоблюдении меры лекарством [должно служить] известное [правило], что человек должен сам себя поправлять, потому что раз оратор отдаёт себе отчёт в том, что делает, его слова кажутся истиной. Кроме того, не [следует] одновременно пускать в ход все сходные между собой средства, потому что таким образом у слушателя является недоверие. Сложные слова, обилие эпитетов и слова малоупотребительные всего пригоднее для оратора, говорящего под влиянием гнева; простительно назвать несчастье "необозримым, как Нэос" или "чудовищным". [Простительно это] также в том случае, когда оратор уже завладел своими слушателями и воодушевил их похвалами или порицаниями, гневом или дружбой, как это, например, делает Исократ в конце своего "Панегирика", [говоря]: «слава и память» (phēnēn de cai mnēmēn), или «те, которые решились» (etlēsān вместо etolnēsān). Такое люди говорят в состоянии энтузиазма и выслушивают, очевидно, испытывая то же самое.[...]

Глава IX. *Стиль связный и стиль периодический. – Период простой и период сложный. – Два вида сложного периода. – Противоположение, приравнивание и услабление.*

Я называю периодом фразу, которая сама по себе имеет начало и конец и размеры которой легко обозреть. Такой стиль приятен и понятен; он приятен, потому что представляет собой противоположность речи незаконченной, и слушателю всегда кажется, что он что-то схватывает, и что что-то для него закончилось; а ничего не предчувствовать и ни к чему не приходиться – неприятно.[...]

Период может состоять из нескольких членов или быть простым.[...] Колон – член периода, одна из частей его. Простым я называю период одночленный. Ни члены периода, ни сами периоды не должны быть ни укороченными, ни длинными, потому что краткая фраза часто заставляет слушателей спотыкаться: в самом деле, когда слушатель, ещё стремясь вперёд к тому пределу, о котором представление есть о нём самом, отбрасывается назад вследствие прекращения речи, он как бы спотыкается, встретив препятствие. А длинные периоды заставляют слушателей отставать подобно тому, как бывает с людьми, которые, [гуляя], заходят за намеченные

пределы: они, таким образом, оставляют позади себя тех, кто с ними вместе гуляет.[...]

Период, состоящий из нескольких членов, бывает или разделительный, или противоположительный. Пример разделительного периода: «Я часто удивлялся тем, кто установил торжественные собрания и учредил гимнастические состязания».

Противоположительный период – такой, в котором в каждом из двух членов одна противоположность стоит рядом с другой или один и тот же член присоединяется к двум противоположностям, например: «Они оказали услугу и тем, и другим, и тем, кто остался, и тем, кто последовал [за ними]; вторым они представили во владение больше земли, чем они имели дома, первым они оставили достаточно земли дома».[...]

Глава XI. *Ещё об удачных выражениях и игре слов (a σ teia). Что такое наглядность? Отношение наглядности к метафоре. – Откуда следует заимствовать метафоры? – «Обманывание» слушателя: апофегмы, загадки, парадоксы, шутки, основанные не перестановке букв и на созвучии, омонимы. - Сравнение, отношение его к метафоре. – Пословицы и гиперболы и их отношение к метафоре.*

Итак, мы сказали, что удачные выражения получаются из метафоры по аналогии и из оборотов, изображающих вещь наглядно; теперь следует сказать о том, что мы называем «наглядным» и результатом чего является наглядность. Я говорю, что те выражения представляют вещь наглядно, которые изображают её в действительности [...]:

Тогда греки, воспрянув своими быстрыми ногами.

Выражение «воспрянув» означает действие и есть метафора, потому что включает в себе понятие быстроты. И как Гомер часто пользовался [этим оборотом], с помощью метафоры представляя неодушевлённое одушевлённым. Во всех этих случаях от употребления выражений, означающих действие, фразы выигрывают, как, например, в следующих случаях:

Под гору камень бесстыдный назад устремлялся в долину.

И: Горькое жало стрелы.... назад отскочило от меди.

Острая стрела понеслась

В гущу врагов, до намеченной жадная жертвы.

И: [Копья] в землю жалом вонзались, насытятся жажда.

[...] И удачные гиперболы – метафоры, например, об избитом лице можно сказать: его можно принять за корзину тутовых ягод, так под глазами сине. Но это в значительной мере преувеличено. [...]

Глава XII. *Каждому роду речи соответствует особый стиль. – Стиль речи письменной и речи полемической.*

Не должно ускользать от [нашего] внимания, что для каждого рода речи пригоден особый стиль, ибо не один и тот же [стиль] в речи письменной и в речи полемической, в речи произносимой перед народным собранием и в речи судебной. Необходимо знать оба [рода стиля], потому что первый заключается в искусном владении греческим языком, а зная второй, не бываешь принуждён молчать, если хочешь передать что-нибудь другим, как это бывает с теми, кто не умеет писать. Стиль речи письменной – самый точный, а речи полемической – самый актёрский. Есть два вида последнего [стиля]: один этический [затраги вающий нравы], другой патетический [возбуждающий страсти].

[...] Излишне продолжать анализ стиля [и доказывать], что он должен быть приятен и величественен, потому что почему [ему обладать этими свойствами] в большей степени, чем умеренностью, или благородством, или какой-нибудь иной этической добродетелью? А что перечисленные [свойства стиля] помогут ему сделаться приятным, это очевидно, если мы правильно определили достоинство стиля; потому что для чего другого, [если не для того, чтобы быть приятным], стиль должен быть ясен, не низок, но приличен? И если стиль болтлив или сжат, он не ясен; очевидно, что [в этом отношении] пригодна середина.[...]

Глава XIII. *На какие две части должна разделяться речь? – Подразделение Аристотеля и подразделение, установившееся до него.*

Речь имеет две части, ибо необходимо назвать предмет, о котором идёт речь, и доказать его; поэтому невозможно, назвав, не доказать или доказать, не назвав предварительно; человек доказывающий, доказывает нечто, и человек, предварительно излагающий что-нибудь, излагает это с целью доказательства. Первая из этих двух частей есть изложение (prothesis), вторая – способ убеждения (pistis), как если бы кто-либо разделил речь на части, из которых первая – задача, вторая – решение.

Следовательно, необходимые части речи – изложение и способ убеждения, они составляют её неотъемлемую принадлежность, но по большей части бывают: предисловие, изложение, способ убеждения, заключение.[...]

Глава XIV. *Анализ первой части – предисловия. Сравнение предисловия с мелодией. – Предисловия к речам эпидейктическим и судебным, к произведениям дифирамбическим, эпическим, трагическим и комическим. – Другие виды предисловия, общие для всех родов произведений, – из чего складывается их содержание и какая цель при этом преследуется?*

Итак, предисловие (prooimion) есть начало речи, то же, что в поэтическом произведении есть пролог, а в игре на флейте – прелюдия. Все эти части - начало; они как бы прокладывают путь для последующего.

[...] Итак, вот из чего [слагаются] предисловия к речам эпидейктическим: из похвалы, из хулы, из убеждения, из разубеждения, из обращений к слушателям. Эта "прелюдия" должна быть или связана с содержанием речи, или быть ему чуждой. Относительно предисловий к речам судебным следует установить, что они имеют такое же значение, как и прологи к драматическим произведениям и предисловия к произведениям эпическим. А предисловия к произведениям дифирамбическим подобны предисловиям к речам эпидейктическим, [например]: *Из-за тебя, твоих даров и добычи.*

В эпических произведениях предисловие есть показатель [содержания] речи, чтобы [слушатели] заранее знали, о чём будет идти речь, и чтобы уж не были в недоумении, потому что неопределённое вводит в заблуждение. А кто как бы дал в руку слушателю начало речи, тот [этим самым] даёт возможность следить за речью. Поэтому-то [говорится]. *Пой, богиня, про гнев.*

И: *Муза, скажи мне о том многоопытном муже.*

И: *Скажи мне о другом, о том, как великая война из Азии перешла в Европу.*

Другие виды [предисловия], которыми пользуются [ораторы], представляют собой определённые приёмы (*iatreumata*), они общи [всем родам произведений]; содержание их слогается в зависимости от личности самого оратора, от личности слушателя, от дела, от личности противника. Всё, что способствует установлению обвинения или опровержению его, касается самого оратора или его противника. Но тут следует [поступать] неодинаково: оправдываясь, [следует приводить] то, что касается обвинения, в начале, а обвиняя, [следует приводить это] в заключении. Поэтому [следует поступать так], это совершенно ясно: когда оправдываешься, необходимо устранить все препятствия раз рассчитываешь поставить самого себя перед судом, так что прежде всего следует опровергнуть обвинение. А когда сам обвиняешь, следует помещать обвинение в конце, чтобы оно больше осталось в памяти.

Предисловия, имеющие в виду слушателя, [возникают] из желания сделать слушателя благосклонным или рассердить его, а иногда ещё из желания возбудить его внимание или наоборот, ибо не всегда полезно возбуждать его внимание; поэтому-то многие [ораторы] стараются рассмешить [слушателей]. Всё это приводит к благосклонности [слушателя], если кто этого желает; [того же достигнет оратор], если выкажет себя нравственно хорошим человеком, потому что [слушатели] относятся с большим вниманием к таким людям. [Слушатели] внимательно относятся ко всему великому и к тому, что лично их касается, ко всему удивительному и приятному; поэтому следует внушать слушателям, что речь идёт о подобных предметах.

Обязанность возбуждать внимание слушателей, когда это нужно, лежит одинаково на всех частях речи, потому что внимание ослабевает во всех других частях скорее, чем в начале. Поэтому смешно стремиться к этому в начале, когда [и так] все слушают с наибольшим вниманием. Таким образом,

следует, где это уместно, употреблять [такие фразы]: "Уделите мне ваше внимание, потому что это дело касается не больше меня, чем вас" и "Я вам скажу нечто такое страшное или такое удивительное, подобного чему вы никогда не слыхали".

Глава XVII. *Анализ третьей части речи (доказательства). – Откуда следует заимствовать и как строить доказательства в речах эпидейктических, произносимых пред народом, и судебных?*

Примеры более свойственны речам, произносимым пред народом, а энтимемы – речам судебным: первые имеют в виду будущее, так что необходимо приводить примеры их прошедшего, а вторые [касаются] того, что есть или чего нет; тут более нужны доказательства и понятие необходимости, потому что прошедшее имеет характер необходимости. Не следует приводить энтимемы одну за другой, а [нужно] примешивать их [к другим оборотам], в противном случае они вредят одна другой, потому что есть предел и для количества.[...]

[Рассуждения, прямо] направленные против противника, не представляют собою какого-либо особого вида, так как к области способов убеждения относится опровержение доводов противника - посредством ли возражений, или посредством силлогизмов. Оратор, начиная речь, совещательную или судебную, должен сначала изложить свои собственные убеждения, а потом выступить против доводов своего противника [...]. Если же много пунктов, вызывающих возражения, то следует сначала приняться за них [...]. Говоря вторым, [оратор] должен сначала направить свою речь против речи противника, разбивая его доводы или противопоставляя [им свои], особенно, если [доводы противника] имели успех, ибо как душа не привязывается к человеку, который раньше подвергся обвинению, точно так же [не принимает она] и речи [оратора], если речь противника представляется убедительной. Нужно таким образом в душе слушателя очистить место для предстоящей речи, чего ты достигнешь, опровергнув [доводы противника], по этой причине должно придать своим словам вес посредством предварительной борьбы или со всеми доводами противника, или с главнейшими из них, или с наиболее поддающимися опровержению.

Глава XVIII. *Три случая, когда в речи уместно прибегать к вопросу. – Двусмысленные вопросы. – Шутки.*

Что касается вопроса, то его всего уместнее предлагать тогда, когда одно из двух положений высказано таким образом, что стоит предложить один вопрос, чтобы вышла нелепость; например, Перикл спросил Лампона о посвящении в таинства «Спасительницы». Тот ответил, что об этом невозможно слышать непосвященному. «А сам ты знаешь об этом?» – спросил Перикл и, получив утвердительный ответ, [сказал]: «Как же [ты узнал], когда не был посвящен?»

Во-вторых, [вопрос уместен], когда из двух пунктов один сам по себе ясен, а относительно другого ясно, что на вопрос о нём дан будет утвердительный ответ. Установив с помощью вопроса одно какое-нибудь положение, не следует предлагать ещё вопрос о том, что само по себе ясно, а прямо выводить заключение; так, например, Сократ спросил Мелета, утверждающего, что он не признаёт богов: «Признаю ли я, по-твоему, существование каких-нибудь демонов?» И, получив утвердительный ответ, продолжал: «А демоны не дети ли богов или не нечто ли божественное?» И на утвердительный ответ просил: «Есть ли такой человек, который бы признавал детей богов, а самих богов не [признавал бы]».

В других случаях не [следует] прибегать [к вопросам], потому что, если [противник] устоит пред вопросом, [спрашивающий] представляется побеждённым, так как невозможно предлагать много вопросов вследствие неподготовленности слушателей. По той же причине следует придавать энтимемам как можно более сжатый вид.

Что касается шуток, которые, по-видимому, занимают некоторое место в прениях, то, как говорит Горгий, следует серьёзность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьёзности.[...]

Глава XIX. *Анализ четвёртой части речи – заключения. – Четыре части, на которые распадается заключение, и их анализ.*

При составлении эпилога оратору нужно: во-первых, постараться хорошо расположить слушателей к себе и дурно – к противнику, во-вторых, применить преувеличение и умаление, в-третьих, разжечь страсти слушателей, в-четвёртых, напомнить [для чего произнесена речь].

Вопросы и задания

1. Какой смысл Аристотель вкладывает в понятие «стиль»?
2. Как Аристотель определяет метафору? В чем сходство и различие между метафорой и сравнением?
3. Какой стиль, по мнению Аристотеля, можно назвать «холодным»? В чем причины «холодности» стиля?
4. Прочитайте текст Д. С. Лихачева «Письма к молодым читателям», (см. Приложение). Сформулируйте и сопоставьте свойства, которыми должен обладать хороший научный стиль, выделенные Аристотелем и Д. С. Лихачевым. Укажите, в чем заключается сходство и различие между ними.
5. Какие правила следует соблюдать, чтобы речь была четкой, последовательной? Какие закономерности между построением речи и содержанием установил Аристотель? Какие компоненты должна включать ораторская речь? В какой последовательности данные компоненты должны быть расположены в речи?
6. На сколько частей, согласно Аристотелю, можно разделить публичную речь? Какие цели должны реализовывать начало и конец речи?

7. Сопоставьте классификацию речей Аристотеля и современные деления речей. Есть ли между ними общее? Какие теоретические положения Аристотеля были развиты в современной риторике?

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ